

УДК 373.167.1:82
ББК 83.3я72
Л64

Автор-составитель **Т. Ф. Курдюмова**

Художник *А. Антонов*

Литература. 7 кл. : в 2 ч. Ч. 2 : учеб.-хрестоматия / авт.-сост. Т. Ф. Курдюмова. — 6-е изд., стереотип. — М. : Дрофа, 2019. — 233, [7] с. : ил. — (Российский учебник).

ISBN 978-5-358-23010-1 (ч. 2)

ISBN 978-5-358-23009-5

Учебник-хрестоматия для учащихся 7 класса входит в учебно-методический комплекс по литературе для 5—11 классов, созданный по единой программе литературного образования, составленной Т. Ф. Курдюмовой.

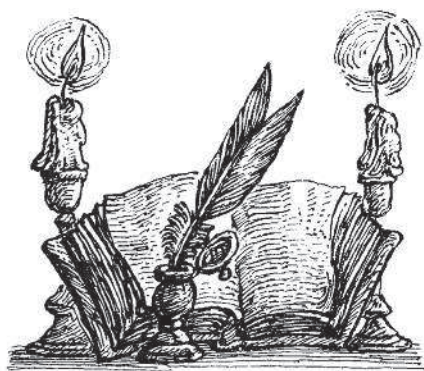
В учебнике-хрестоматии «Литература. 7 класс» раскрывается жанровая структура литературных произведений, приводятся сведения об истории развития некоторых жанров.

Учебник-хрестоматия соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту основного общего образования.

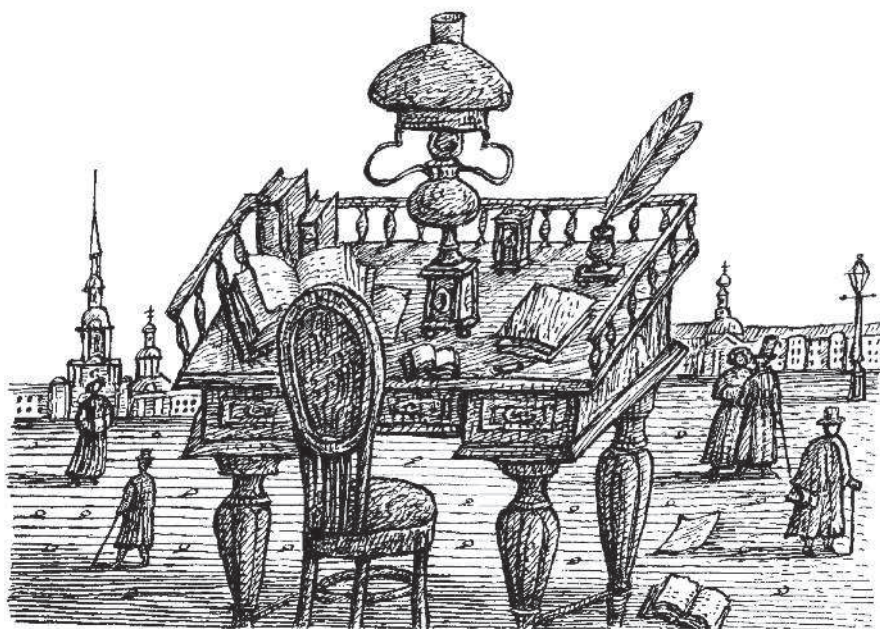
УДК 373.167.1:82
ББК 83.3я72

ISBN 978-5-358-23010-1 (ч. 2)
ISBN 978-5-358-23009-5

© ООО «ДРОФА», 2014

Литература XIX века

Сатира (как жанр и как литературное направление)

Слово «сатира» может как обозначать жанр отдельного произведения, так и определять литературное направление, в любом случае, сказав слово «сатира», мы понимаем, что речь идёт не о зеркально точном изображении жизни, а об ироническом её воспроизведении. Стихотворная сатира возникла из названия развлекательного сборника «Сатуры» (смесь, всякая всячина), в котором были помещены басни и разного рода стихотворения, а также впервые появились шуточные нападки на конкретных лиц. Это произошло ещё до нашей эры в Древнем Риме. Создал этот сборник поэт Энний.

В последующие века сатира стала чрезвычайно популярной. Слово «сатира» используется для обозначения произведения искусства, в котором осмеиваются порочные явления действительности, содержится резкое обличение. В сатирических произведениях часто применяется такой художественный приём, как гротеск — сочетание фантастики с реальными, но сильно преувеличенными бытовыми жизненными явлениями. Сатира так и осталась «всякой всячиной»: она воплощается в самых различных жанрах, и та энергия смеха, которая ей присуща, делает её грозным оружием.

Вспомним строки Пушкина:

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!..

Среди сатириков именно Ювенал (ок. 60 — ок. 127) «вспыхнул, — как пишет современный автор, — во времена упадка Рима как грозная комета». Его 16 сатир остались в веках и вызвали большой отклик в последующей литературе.

Общепризнанный законодатель литературных правил Буало (1636—1711) в своём теоретическом трактате

те в стихах «Поэтическое искусство» пишет, что жанр сатиры нужнее обществу, чем ода.

Так мы утверждаемся в мысли, что в литературе существует **жанр сатиры**.

Однако в России XVIII века сатирическая стихия охватила множество жанров — это и собственно стихотворные сатиры, и басни, и эпиграммы, и прозаические произведения, и пародии.

Те, на кого была направлена критика, содержащаяся в сатирическом произведении, обычно реагировали очень активно, а иногда и забавно. Так, В. К. Третьяковский заканчивает свой стихотворный ответ критику словами:

Когда, по-твоему, сова и скот уж я,
То сам ты нетопырь и подлинно свинья!

Сатира часто вызывала очень жёсткую и даже жестокую реакцию. Так, Екатерина II полемизировала с обличителями власти на страницах журналов и в собственных комедиях. Но она же отвечала на строки обличения репрессиями: Н. И. Новиков и А. Н. Радищев были арестованы и сурово наказаны.

Как же оценивали сатиру и её возможные виды современники Пушкина?

В. А. Жуковский в статье «О сатире и сатирах Кантемира» утверждал: «Насмешка сильнее всех философских убеждений опровергает упорный предрассудок и действует на порок: осмеянное становится в глазах наших низким».

Через несколько лет в «Словаре древней и новой поэзии» указывалось, что «форма сатиры сама по себе не заслуживает большого внимания, — иногда бывает она эпической, иногда драматической, иногда имеет название речи, эпистолы и пр.».

Пора расцвета сатиры как жанра — начало XIX века. Затем «сатира ушла в прозу» и получила своё высшее выражение в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина. Однако она живёт и по сей день. Есть литературоведы, которые утверждают, что сатира, подобно эпосу, лирике и драме, является равноправным родом литературы.

Вопросы и задания

- 1. Как вы определите жанр этих стихотворений Пушкина?

История стихотворца

Внимает он привычным ухом
Свист;
Марают он единым духом
Лист;
Потом всему терзает свету
Слух;
Потом печатает — и в Лету
Бух!

Совет

Поверь: когда слепней и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учтивых слов,
Не возражай на писк и шум нахальный:
Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак нельзя смирить их род упрямый.
Сердиться грех — но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграммой.

2. Прочитайте фрагмент стихотворения Н. А. Некрасова. Как вы определите его жанр?

Портреты

2

Подчас взойдёт случайно в моду
Поэт, актёр иль музыкант,
Который сам не думал сроду,
Что дал Господь ему талант.
Но вот о нём все закричали
И докричались до того,
Что бюст счастливица изваяли,
Великим назвали его...
А он?.. Он с бюстом чудно сходен:
Он так же точно, как и бюст,

Формально никуда не годен,
Ни в чём не грешен, тих и пуст!

3

С кого не пишем мы портретов?..
Богач, без мозга, без души,
Нам задал несколько обедов —
Скорей портрет с него пиши!
Тотчас чудес о нём наскажут,
Опишут жизнь его в два дни
И исторически докажут,
Что он Горацию сродни.
Полна хвалами биография,
Где строчка каждая ложна
И где жена его Агафья
Агатой важно названа...

3. Прочитайте начало и конец «Сатиры первой» А. А. Шаховского, драматурга конца XVIII — начала XIX века. Какие признаки сатиры вы видите в этих строках?

Сатира первая

Мольер¹! Твой дар, ни с чьим на свете не сравненный,
В отчаянье меня приводит всякий раз,
Как, страстью сочинять, к несчастью, ослепленный,
Я за тобой хочу взобратся на Парнас.
Комедию пишу, тружусь, соображаю,
По правилам твоим мой план располагаю,
Характер, драмы ход, развязку, разговор —
Всё, всё обдумаю и сам собой доволен:
Мне кажется, мой слог приятен, чист и волен,
Смешного множество, прелестный шуток сбор,
И, словом, всё в моей комедии мне мило.
Но на столе моём, как будто на беду,
Нечаянно твои творения найду,
Невольно разверну, прочту, вздохну уныло,
Новорождённое дитя моё беру,
Бешусь, клянусь его и в лоскутки деру.
Так ты один, Мольер, без злобы и без шутства,
Смеясь над людьми, умел людей смешить!

¹ *Мольёр* (Жан Батист Поклэн, 1622—1673) — французский драматург.

.....
Почто, Мольер, в наш век ты не родился?
Здесь твоему перу труда довольно есть.
Или когда б со мной умом ты поделился,
Я б пользу сделал всем, себе — бессмертну честь.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин 1826—1889

Михаил Евграфович Салтыков родился в Тверской губернии в селе Спас-Угол. Его детство и отрочество прошли среди «повседневного ужаса» крепостного быта и сложных отношений в семье, которые никак не назовёшь доброжелательными. Годы учения были удачнее: Салтыков окончил Царскосельский лицей, в котором ранее учился Пушкин, и был избран, согласно царившему там обычаю, «Пушкиным» тринадцатого выпуска, то есть самым литературно одарённым учеником.

Юноша не только писал стихи. Салтыков отличался способностью к делам, которые принято называть административными. Он был талантливым организатором. Даже высылка в Вятку за смелые повести «Противоречия» и «Запутанное дело» на целые восемь лет не остановила ни литературной, ни административной деятельности. В Вятке он был чиновником по особым поручениям при губернаторе, а затем и советником губернского правления. Поездки по Вятскому краю обогатили писателя наблюдениями и наполнили его произведения суровыми фактами народной жизни.

После смерти Николая I Салтыков возвращается в столицу. В печати появляется новое имя: выходят «Губернские очерки» под псевдонимом Н. Щедрин. В эти же годы он женится на дочке вятского вице-губернатора. Считается, что среди жён русских писателей XIX века были две изумительные красавицы: Наталья Николаевна Гончарова (жена Пушкина) и Елизавета Аполлоновна Болтина (жена Салтыкова-Щедрина). Од-

нако всё то, что глубоко презирал писатель, нашло воплощение в его горячо любимой, но абсолютно чуждой по взглядам жене. «У жены моей идеалы не весьма требовательные. Часть дня (большую) в магазине просидеть, потом домой с гостями прийти, и чтоб дома в одной комнате много-много изюма, в другой — много-много винных ягод, в третьей — много-много конфет. А в четвёртой — чай и кофе. И она ходит по комнатам и всех потчует, а по временам заходит в будуар и переодевается». Таковы горькие, доброжелательные и насмешливые заметки Щедрина о своей семейной судьбе в самом конце жизни.

Салтыков был вице-губернатором в Рязани, затем в Твери, возглавлял Казённые палаты в Пензе, Туле, Рязани. Везде он пытался поддержать честных чиновников и ограничить взяточников и казнокрадов. Эти действия постоянно вызывали град доносов, и уже в 1868 году писатель получает отставку с запретом заниматься государственной службой.

Отныне вся его жизнь связана с литературой. Через год в журнале «Отечественные записки» появляются первые сказки Салтыкова-Щедрина. После смерти Некрасова он становится редактором журнала вплоть до его закрытия. Создаются бессмертные произведения — «История одного города», «Господа Головлёвы» и многие другие. Продолжается создание сказок.

Годы и болезнь брали своё. В 1889 году Салтыков-Щедрин скончался. По завещанию его похоронили рядом с могилой Тургенева на Волковом кладбище в Петербурге.

Сатирик по природе, Щедрин обладал даром комизма. Он владел страшным оружием — смехом; более того, всеми формами смеха. Эти формы многообразны — от мягких и светлых, которые вы встретите на страницах сказки о двух генералах и мужике, до мрачных и жёстких. Таков, например, «Разговор Свињи с Правдой»: само название даёт понять, как резко ставит вопросы автор.

Салтыков-Щедрин обращался к фольклорным традициям для создания произведений, обличающих недо-

статки современной ему жизни. Фантастика и вымысел соседствуют с реальностью, создавая неповторимый мир щедринских «Сказок», одну из которых вы сейчас будете читать.

Творчество Щедрина характеризуется объединением, сцеплением малых произведений в сборник или цикл произведений. Именно стремление быть «летописцем минуты» вызывало такое накопление мелких деталей для создания более общей картины. «Эзопов язык» произведений, который сочетался с яркой эмоциональностью и выразительностью его сатиры, был рассчитан на понимание того, кого он называл «читателем-другом». Картина России в его произведениях получалась впечатляющая. «Невозможно, — утверждал М. Горький, — понять историю России во второй половине XIX века без помощи Щедрина...»

Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил

Жили да были два генерала, и так как оба были легкомысленны, то в скором времени — по щучьему велению, по моему хотению — очутились на необитаемом острове.

Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре, там родились, воспитались и состарились — следовательно, ничего не понимали. Даже слов никаких не знали, кроме: «примите уверение в совершенном моём почтении и преданности».

Упразднили регистратуру за ненадобностью и выпустили генералов на волю. Оставшись за штатом, поселились они в Петербурге, в Подъяческой улице, на разных квартирах; имели каждый свою кухарку и получали пенсию. Только вдруг очутились на необитаемом острове, проснулись и видят: оба под одним одеялом лежат. Разумеется, сначала ничего не поняли и стали разговаривать, как будто ничего с ними и не случилось.

— Странный, ваше превосходительство, мне нынче сон снился, — сказал один генерал, — вижу будто живу я на необитаемом острове...

Сказал это, да вдруг как вскочит! Вскочил и другой генерал.

— Господи! да что ж это такое! где мы! — вскрикнули оба не своим голосом.

И стали друг друга ощупывать, точно ли не во сне, а наяву с ними случилась такая оказия¹. Однако, как ни старались уверить себя, что всё это не больше как сновидение, пришлось убедиться в печальной действительности.

Перед ними с одной стороны расстилалось море, с другой стороны лежал небольшой клочок земли, за которым стлалось всё то же безграничное море. Заплакали генералы в первый раз после того, как закрыли регистратуру. Стали они друг друга рассматривать и увидели, что они в ночных рубашках, а на шеях у них висит по ордену.

¹ *Ока́зия* — случайность.

— Теперь бы кофейку испить хорошо! — молвил один генерал, но вспомнил, какая с ним неслыханная штука приключилась, и во второй раз заплакал.

— Что же мы будем, однако, делать? — продолжал он сквозь слёзы, — ежели теперича доклад написать — какая польза из этого выйдет?

— Вот что, — отвечал другой генерал, — подите вы, ваше превосходительство, на восток, а я пойду на запад, а к вечеру опять на этом месте сойдёмся; может быть, что-нибудь и найдём.

Стали искать, где восток и где запад. Вспомнили, как начальник однажды говорил: «Если хочешь сыскать восток, то встань глазами на север, — и в правой руке получишь искомое». Начали искать севера, становились так и сяк, перепробовали все стороны света, но так как всю жизнь служили в регистратуре, то ничего не нашли.

— Вот что, ваше превосходительство: вы пойдите направо, а я налево; этак-то лучше будет! — сказал один генерал, который, кроме регистратуры, служил ещё в школе военных кантонистов¹ учителем каллиграфии² и, следовательно, был поумнее.

Сказано — сделано. Пошёл один генерал направо и видит — растут деревья, а на деревьях всякие плоды. Хочет генерал достать хоть одно яблоко, да все так высоко висят, что надобно лезть. Попробовал полезть — ничего не вышло, только рубашку изорвал. Пришёл генерал к ручью, видит: рыба там, словно в садке на Фонтанке³, так и кишит, и кишит.

«Вот кабы этакой-то рыбки да на Подьяческую!» — подумал генерал и даже в лице изменился от аппетита.

Зашёл генерал в лес — а там рябчики свищут, тетерева токуют, зайцы бегают.

— Господи! еды-то! еды-то! — сказал генерал, почувствовав, что его уже начинает тошнить.

¹ *Школа военных кантонистов* — начальная школа для солдатских детей.

² *Каллиграфия* — чистописание.

³ *Фонтанка* — улица в Санкт-Петербурге.

Делать нечего, пришлось возвращаться в условленное место с пустыми руками. Приходит, а другой генерал уж дожидается.

— Ну что, ваше превосходительство, промыслил что-нибудь?

— Да вот нашёл старый номер «Московских ведомостей»¹, и больше ничего!

Легли опять спать генералы, да не спится им натошак. То беспокоит их мысль, кто за них будет пенсию получать, то припоминаются виденные днём плоды, рябчики, тетерева, зайцы.

— Кто бы мог думать, ваше превосходительство, что человеческая пища, в первоначальном виде, летает, плавает и на деревьях растёт? — сказал один генерал.

— Да, — отвечал другой генерал, — признаться, и я до сих пор думал, что булки в том самом виде родятся, как их утром к кофею подают!

— Стало быть, если, например, кто хочет куропатку съесть, то должен сначала её изловить, убить, ощипать, изжарить... Только как всё это сделать?

— Как всё это сделать? — словно эхо, повторил другой генерал.

Замолчали и стали стараться заснуть; но голод решительно отгонял сон. Рябчики, индейки, поросята так и мелькали перед глазами, сочные, слегка подрумяненные, с огурцами, пикулями и другим салатом.

— Теперь я бы, кажется, свой собственный сапог съел! — сказал один генерал.

— Хороши тоже перчатки бывают, когда долго носыны! — вздохнул другой генерал.

Вдруг оба генерала взглянули друг на друга: в глазах их светился зловеший огонь, зубы стучали, из груди вылетало глухое рычание. Они медленно начали подползать друг к другу и в одно мгновение ока остервенились. Полетели клочья, раздался визг, оханье; генерал, который был учителем каллиграфии, откусил у своего товарища орден и немедленно проглотил. Но вид текущей крови как будто образумил их.

¹ «Московские ведомости» — газета, издававшаяся журналистом и публицистом М. Н. Катковым.

— С нами крестная сила! — сказали оба они разом, — ведь этак мы друг друга съедем!

— И как мы попали сюда! Кто тот злодей, который над нами такую шутку сыграл!

— Надо, ваше превосходительство, каким-нибудь разговором развлечься, а то у нас тут убийство будет! — проговорил один генерал.

— Начинайте! — отвечал другой генерал.

— Как, например, думаете вы, отчего солнце прежде восходит, а потом заходит, а не наоборот?

— Станный вы человек, ваше превосходительство; но ведь и вы прежде встаёте, идёте в департамент, там пишете, а потом ложитесь спать?

— Но отчего же не допустить такую перестановку: сперва ложусь спать, вижу различные сновидения, а потом встаю?

— Гм... да... А я, признаться, как служил в департаменте, всегда так думал: «Вот теперь утро, а потом будет день, а потом подадут ужинать — и спать пора!»

Но упоминание об ужине обоих повергло в уныние и пресекло разговор в самом начале.

— Слышал я от одного доктора, что человек может долгое время своими собственными соками питаться, — начал опять один генерал.

— Как так?

— Да так-с. Собственные свои соки будто бы производят другие соки, эти, в свою очередь, ещё производят соки, и так далее, покуда, наконец, соки совсем не прекратятся...

— Тогда что ж?

— Тогда надобно пищу какую-нибудь принять...

— Тьфу!

Одним словом, о чём бы ни начинали генералы разговор, он постепенно сводился на воспоминания об еде, и это ещё более раздражало аппетит. Положили: разговоры прекратить и, вспомнив о найденном номере «Московских ведомостей», жадно принялись читать его.

«Вчера, — читал взволнованным голосом один генерал, — у почтенного начальника нашей древней столицы был парадный обед. Стол сервирован был на сто

персон с роскошью изумительною. Дары всех стран назначили себе как бы рандеву на этом волшебном празднике. Тут была и «шекснинска стерлядь золотая»¹, и питомец лесов кавказских — фазан, и, столь редкая в нашем севере в феврале месяце, земляника...»

— Тьфу ты, Господи! да неужто ж, ваше превосходительство, не можете найти другого предмета? — воскликнул в отчаянии другой генерал и, взяв у товарища газету, прочёл следующее:

«Из Тулы пишут: вчерашнего числа, по случаю поминки в реке Упе осетра (происшествие, которого не запомнят даже старожилы, тем более что в осетре был опознан частный пристав, Б.), был в здешнем клубе фестиваль². Виновника торжества внесли на громадном деревянном блюде, обложенного огурчиками и держащего в пасти кусок зелени. Доктор П., бывший в тот же день дежурным старшиною, заботливо наблюдал, дабы все гости получили по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая...»

— Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не слишком осторожны в выборе чтения! — прервал первый генерал и, взяв, в свою очередь, газету, прочёл:

«Из Вятки пишут: один из здешних старожилков избрёл следующий оригинальный способ приготовления ухи: взяв живого налима, предварительно его высечь; когда же от огорчения печень его увеличится...»

Генералы поникли головами. Всё, на что бы они ни обратили взоры, — всё свидетельствовало об еде. Собственные их мысли злоумышляли против них, ибо, как они ни старались отгонять представления о бифштексах, но представления эти пробивали себе путь насильственным образом.

И вдруг генерала, который был учителем каллиграфии, озарило вдохновение...

— А что, ваше превосходительство, — сказал он радостно, — если бы нам найти мужика?

¹ «Шекснинска стёрлядь золотая» — цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Приглашение к обеду».

² Фестиваль — здесь: торжественный обед.

— То есть как же... мужика?

— Ну да, простого мужика... какие обыкновенно бывают мужики! Он бы нам сейчас и булок бы подал, и рябчиков бы наловил, и рыбы!

— Гм... мужика... но где же его взять, этого мужика, когда его нет?

— Как нет мужика — мужик везде есть, стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает!

Мысль эта до того ободрила генералов, что они вскочили как встрёпанные и пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову без всякого успеха, но наконец острый запах мякинного хлеба и кислой овчины навёл их на след. Под деревом, брюхом кверху и подложив под голову кулак, спал громаднейший мужичина и самым нахальным образом уклонялся от работы. Негодованию генералов предела не было.

— Спишь, лежебок! — накинулись они на него, — небось и ухом не ведёшь, что тут два генерала вторые сутки с голода умирают! сейчас марш работать!

Встал мужичина: видит, что генералы строгие. Хотел было дать от них стречка, но они так и закоченели, вцепившись в него.

И зачал он перед ними действовать.

Полез сперва-наперво на дерево и нарвал генералам по десятку самых спелых яблоков, а себе взял одно, кислое. Потом покопался в земле — и добыл оттуда картофелю; потом взял два куска дерева, потёр их друг об дружку — и извлёк огонь. Потом из собственных волос сделал силок и поймал рябчика. Наконец, развёл огонь и напёк столько разной провизии, что генералам пришлось даже на мысль: «Не дать ли и тунеядцу частичку?»

Смотрели генералы на эти мужицкие старания, и сердца у них весело играли. Они уже забыли, что вчера чуть не умерли с голоду, а думали: «Вот как оно хорошо быть генералами — нигде не пропадёшь!»

— Довольны ли вы, господа генералы? — спрашивал между тем мужичина-лежебок.